

Л.В. Сидоренко

Влияние Ганноверского фактора на курс Великобритании в Северной войне

Смена династии в 1714 году была одним из важнейших событий, изменившим внутреннюю и внешнюю политику Великобритании. К началу XVIII века перед страной маячил династический кризис. Желая его предотвратить и положить конец католическим притязаниям на престол, в Англии принимают “Акт о престолонаследии”, объявлявший законной наследницей короны внуку Якова I Софию, жену курфюрста Ганновера. При этом акт запрещал новому монарху без согласия парламента вести войны для защиты своих владений и покидать страну, а также лишал иностранцев возможности занимать важные государственные должности.¹ Ганноверская династия находилась в безопасности, пока у власти стояли виги, а королева Анна была здорова. Но в 1710 году образование министерства тори поставило воцарение новой династии под угрозу.² В ходе межпартийной борьбы тори казались фаворитами, однако неожиданная смерть королевы 1 августа 1714 года спутала карты. В течение двух дней виги заняли ключевые посты в стране и объявили Георга, сына Софии, королём Англии.³ Началась новая эпоха.

До 1714 года отношение Англии к Северной войне определялось прежде всего интересами королевства в введущейся параллельно войне за испанское наследство. В Лондоне желали привлечь балтийские державы (прежде всего Швецию) на свою сторону, поэтому с английской точки зрения конфликт в Северной Европе “был нонсенсом и потенциальным источником слабости” и должен был быть завершён максимально быстро и безболезненно.⁴ В первые годы Северной войны Англия и Голландия делали всё возможное, чтобы склонить Карла к заключению общего мира в регионе, но он “погрузился в великую войну”...⁵ Не имея возможности примирить враждующие стороны и присоединить их к борьбе с Францией, Англия “была заинтересована в затягивании войны между Россией и Швецией, ибо это обеспечивало ей благоприятные условия для достижения своих целей в войне за испанское наследство”.⁶

После 1714 года центральной фигурой, определявшей британскую внешнюю политику, стал Георг I. Будучи курфюрстом небольшого княжества в центральной Германии, население которого исповедовало протестантизм и постоянно испытывало давление Франции,⁷ Георг разделял идеи экспансии, желая увеличить свои владения. В этом он надеялся на Великобританию и хотел использовать её флот для удовлетворения своих территориальных амбиций.⁸ Целью Георга были епископства Бремен и Верден, открывающие Ганноверу выход к морю, но принадлежавшие до Северной войны Швеции. Однако его английские подданные, даже при наличии объективных интересов в присоединении Бремена и Вердена к Ганноверу,

желали быть уверены, что Англию не втянут в войну ради Ганновера.⁹ В формировании внешней политики Георгу помогали ганноверские министры, привезённые им в Англию: Берншторфф, Ботмер, Жан де Робертон. Хотя “Акт о престолонаследии” запретил королю вводить их в Тайный Совет, это не мешало ему консультироваться у них. Вокруг монарха образовался кружок из ганноверских советников, в котором английские министры должны были искать доверия.¹⁰ Как верно отметил А.Б. Соколов: “Ни короли, ни министры не могли игнорировать собственные интересы Ганновера после 1714 года.”¹¹

В начале Северной войны будущий Георг I занимал прошведскую позицию. Ситуация изменилась к 1712 году, когда, постепенно отходя от позиции самого верного друга Карла XII среди немецких правителей, Георг занял сперва нейтральную, а позже исключительно враждебную позицию в отношении Швеции.¹² После 1714 года дипломатическую деятельность этого человека надо рассматривать только в контексте его двойственного положения: как ганноверского курфюрста, так и монарха Великобритании. С осадой союзниками Штральзунда в октябре 1715 года Георг объявляет Карлу войну, при этом активно взаимодействует с союзниками, заключая союзы с Пруссией, Данией, Россией и обещая британскую военно-морскую поддержку.¹³

Интересы Георга позволили временно сблизить Россию и Великобританию. В ходе визита в Лондон в марте 1716 года Б.И. Куракина велись переговоры о союзном и торговом договорах, но опасения Англии и разразившееся Мекленбургское дело (Северный кризис) остановили их. Формальным поводом для недовольства стала зимовка войск Петра I в Мекленбурге после отмены им в сентябре 1716 года десанта в южную Швецию,¹⁴ но реально англо-ганноверскую дипломатию беспокоило желание царя сделать Мекленбург клиентским государством и прорыть канал между Балтийским и Северным морями для прямой торговли с Западной Европой, что ставило крест на планах Ганновера получить Бремен и Верден.¹⁵ Личные амбиции Георга, претендовавшего на исключительное влияние в соседнем герцогстве и готовившегося самому ввести войска, усилили кризис.¹⁶

Непросто складывались отношения и со Швецией. Неясность перспектив возможной английской помощи Швеции для возвращения ей восточных территорий убедили К.Юлленборга (шведского посла в Лондоне) в твёрдом стремлении Георга I сохранить новые территории. Поэтому при активном тайном содействии испанцев было предложено свержение Ганноверской династии, недовольство которой в Англии существовало.¹⁷ Интригу разгадали, что обернулось задержанием дипломата и его пособников 29 января 1717 года. Дело Юлленборга, названное “Шведским заговором”, стало главной повесткой дня открывшейся сессии парламента. Георг I представил парламентариям переводы переписки шведских дипломатов и попросил их принять меры для защиты от врагов,¹⁸ что и было сделано после бурных дебатов. В целом, по делу К.Юлленборга можно согласиться с Л.А. Никифоровым, утверждавшим, что оно было нужно английскому правительству для обработки общественного мнения Великобритании в целях упрочнения своего положения в условиях распространённого недовольства деятельностью правительства на балтийском направлении.¹⁹

Во внутренней жизни страны приход новой династии сопровождался массовыми отставками торийских политиков: Георг I занял сторону вигов, готовых поддерживать ганноверские интересы. 1715 год, в связи с общими выборами в парламент и якобитским мятежом в Шотландии, был самым критическим для новой династии. Судьба Георга висела на волоске, но выборы выиграла виги, а восстание провалилось. Ситуация, однако, продолжала оставаться напряжённой, чему способствовала нестабильность в вигском стане в связи со сменой элит.²⁰ Новые лидеры вигов — Сандерленд, Ч.Тауншенд и Аргилл — остро конкурировали между собой. Дж.Стэнхоуп был дружен со всеми. Х.Уолпол и Ч.Тауншенд были убеждены в его лояльности к ним,²¹ но ошиблись. Уехав с Георгом I в Ганновер, Стэнхоуп отлично воспользовался недоверием короля к Тауншенду и подозрениями монарха в отношении Х.Уолпола и Тауншенда в потворстве интригам сына короля, оставшегося регентом, в результате чего эти министры были удалены из правительства.²² На три года Стэнхоуп стал главным министром короля по внешней политике, олицетворяя с Георгом то,

что позже назовут англо-ганноверской дипломатией в Северной войне. Стэнхоуп выделял два главных внешнеполитических направления: Западную Европу (отношения с Францией и ситуация в Средиземноморье) и Северо-восточную Европу в лице стран-участников Северной войны.²³ При этом, как показала практика, интересы балтийского направления для удовлетворения ганноверских амбиций нередко доминировали над остальными, хотя и не в полной мере.

В 1716-1717 годах Георг неоднократно предлагал Карлу XII официально уступить Бремен и Верден Ганноверу в обмен на помощь в изгнании русских из Балтики, но безуспешно.²⁴ Только после смерти Карла XII Ульрика Элеонора согласилась на британское посредничество. Георг планировал путём заключения договоров с широким кругом европейских стран принудить Россию к миру, однако никто из них не хотел нарушать сложившийся баланс.²⁵ Перед шведами стоял непростой выбор: с кем — Россией или Великобританией — заключать мир с наименьшими для себя потерями. Каждая из стран предлагала мир за счёт другой, при этом Англия предпочитала на Балтике могущественную Швецию сильной России.²⁶ В 1719 году активность англо-ганноверской дипломатии проявилась в заключении 5 января антиросийского Венского договора и успешным завершением миссии Ч.Уитворта в Берлин, закончившейся подписанием серией договоров, что означало отход Пруссии России, но не принёсло Георгу I существенных дивидендов.²⁷ В сентябре 1719 года Швеция уступает Бремен и Верден Ганноверу и отказывается от мирных инициатив России, а в 1720 году Англия подписывает союзный договор со Швецией, обещая эскадру и субсидии. При этом Великобритания не собиралась сражаться сама за шведские интересы, предпочитая это делать её новоявленными союзниками.²⁸ Никакой эффективной (даже военно-морской) помощи Англия Швеции не оказала, а мир между Россией и Швецией подписывался без посредничества Британии, что считалось “дипломатическим поражением Британии.” Лишь Георг I извлёк прямую выгоду из этой войны, получив Бремен, Верден и некоторый контроль над администрацией Мекленбурга.²⁹

Подводя итоги, можно утверждать, что вступление Георга I на английский трон в 1714 году было важнейшим фактором, изменившим внешнеполитический курс Великобритании в Северной войне с нейтрально-наблюдательного на активно-дипломатический. Воспользовавшись внутренней нестабильностью королевства, играя на вигских противоречиях и заручившись поддержкой Стэнхоупа, новый монарх активизировал деятельность англо-ганноверской дипломатии на Балтике. Несмотря на неудачу в противодействии России, Георг I смог добиться своей главной цели — удовлетворения территориальных амбиций, а Великобритания получила желаемую политическую стабильность.

¹ Great Britain: The Lion at Home. A Documentary History of Domestic Policy 1689-1973. / Ed. by Joel H. Wiener. Vol. I. New-York—London, 1974. P. 35.

² Kronenberger L. Kings and Desperate Men: Life in Eighteenth Century England. New-York, 1961. P. 11-12.

³ Woodward E.L. A History of England. L., 1976. P. 125.

⁴ Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. 1553-1815. L., 1958. P. 52.

⁵ Harris R.W. England in the Eighteenth Century: A Balanced Constitution and New Horizons. L., 1963. P. 106.

⁶ История Северной войны: 1700-1721 гг. / Отв. Ред. И.И. Ростунов. М., 1987. С. 70.

⁷ Hoppit J. A Land of Liberty? England 1689-1727. Oxford, 2002. P. 385-386.

⁸ Murray J. George I, the Baltic and the Whig Split of 1717. A Study of Diplomacy and Propaganda. L., 1969. P. 4-8.

⁹ Malcolm-Smith E. British Diplomacy in the Eighteenth Century: 1700-1789. L., 1937. P. 49.

¹⁰ Derek J. Britain 1688-1815. L., 1977. P. 152.

¹¹ Соколов А.Б. “Правь, Британия, морями?” Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке. Ярославль, 1996. С. 44-45.

¹² Murray J. Op. cit. P. 57, 75.

¹³ Hatton R. George I: Elector and King. Cambridge (Mass.), 1978. P. 185-188.

¹⁴ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 323-324, 329.

¹⁵ Hatton R. Op. cit. P. 189.

¹⁶ Horn D. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. Oxford, 1967. P. 204, 246.

¹⁷ Фейгина С.А. Аландский конгресс; Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. С. 154.

-
- ¹⁸ Cobbett's Parliamentary History of England from the Norman Conquest, in 1066, to the Year 1803. Vol. VII. Comprising the Period from the Accession of King George I in August 1714, to the Opening of the Sixth Parliament of Great Britain in October 1722. (Далее PH. Vol. VII.) L., 1811. Col. 393-396.
- ¹⁹ Никифоров Л.А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 149-150.
- ²⁰ Derek J. Op. cit. P. 151-154.
- ²¹ Plumb J.H. The First Four Georges. L., 1957. P. 44-47.
- ²² Speck W.A. Stability and Strife. England, 1714-1760. Cambridge (Mass.), 1977. P. 189.
- ²³ Соколов А.Б. Указ. соч. С. 48.
- ²⁴ Chance J.F. The Northern Question in 1718. English Historical Review. Vol. XXI, No. 83, July 1906. P. 460.
- ²⁵ Hatton R. Op. cit. P. 238.
- ²⁶ Malcolm-Smith E. Op. cit. P. 63.
- ²⁷ Никифоров Л.А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадский мир. М., 1959. С. 65, 142.
- ²⁸ История Северной войны... С. 161-162.
- ²⁹ Horn D. Op. cit. P. 206.